

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

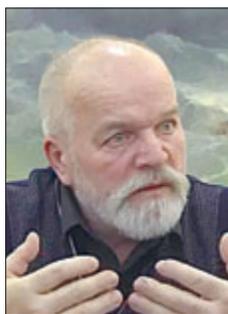
РОМАН ГАЗЕТА

2022 №9

Сергей Михеенков / Писательская рота

95
1927-2022

МИХЕЕНКОВ Сергей Егорович

Родился в 1955 году в деревне Воронцово Калужской области. Служил в Советской Армии на Чукотке. Работал механизатором, учителем в сельской школе, редактором районной газеты «Рассвет», научным сотрудником в Тарусском краеведческом музее. Окончил филологический факультет Калужского государственного педагогического института им. К. Э. Циолковского и Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР (семинар Эрнста Сафонова).

Публикуется в журналах «Москва», «Наш современник», «Юность», «Молодая гвардия», «Нёман», «Родина», еженедельниках «Литературная газета», «Литературная Россия», других периодических изданиях. Автор многочисленных книг прозы, биографий выдающихся людей России.

ДЕЛА
ЛИТЕРАТУРНЫЕ

Литературный праздник на брянской земле

В Брянской областной научной библиотеке имени Ф. И. Тютчева состоялась творческая встреча с редакторами известных российских изданий.

Разговор о современной литературе продолжался более двух часов. Звучали стихи, короткие рассказы. Альманах «День поэзии-XXI век» представил известный поэт Андрей Шацков, журнал «Роман-газету» — главный редактор, прозаик Юрий Козлов, «Наш современник» — заместитель главного редактора литературовед Сергей Куняев. Эти издания, пережив перестройку и непростые девяностые, по-прежнему любимы читателями. Литераторы Брянщины нередко печатают в них свои произведения. Стихи шестерых брянцев вошли в альманах «День поэзии-XXI век». В первых номерах 2022 года в «Роман-газете» опубликован роман Николая Иванова «Реки помнят свои берега». Председатель Союза писателей России имеет брянские корни, что нашло отражение во многих эпизодах этого, недавно удостоенного премии Валентина Распутина, произведения

«В России нас несколько тысяч. А имя на всех одно — поэты. И только единицы из нас имеют право на имя собственное. Практически, все эти имена представлены в альманахе, которому в 2021 году исполнилось 65 лет!» — заявил Андрей Шацков.

«В этом году «Роман-газете» исполнилось 95 лет, она на тридцать лет старше, — отметил в своём выступлении Юрий Козлов. — Все эти годы мы печатаем произведения лучших писателей России,

причём, не только известных и заслуженных, но и авторов из провинции, которые пишут о реальной жизни. «Роман-газета» — своеобразная энциклопедия современной прозы, по её публикациям можно изучать историю нашей литературы. Журнал по-прежнему выходит два раза в месяц. Большим спросом у читателей пользуется и догоняющая «взрослую» по тиражу «Детская Роман-газета». Таким образом, наша небольшая ре-

Окончание см. на 3 стр. обложки.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Вильямович Козлов

**Редакционная
коллегия:**
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

**Ответственный
редактор**
Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2022
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350

от 30.12.2016 г.
Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**

в объединенном
каталоге
«Пресса России»
38915 на полугодие;
в электронном каталоге
«Почта России»
П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2022 №9 /1902/ Основана в 1927 г.

Сергей Михеенков

Писательская рота

Предисловие

Это название — «ПИСАТЕЛЬСКАЯ РОТА» — конечно же условное. Но и писательская рота была. В буквальном смысле этого сочетания слов, и оно, похоже, стало, как говорят языковеды, устойчивым. *Была* писательская рота. И даже не одна. Потому что в одну стрелковую роту все писатели, ушедшие добровольцами на фронт, в её штат и списочный состав не вместились. Пришлось командованию формировать вторую. Они воевали под Вязьмой и попали в самую крошечную мясорубку первого вяземского сражения и сгинули в первом вяземском окружении. А сколько писателей и поэтов воевали в других стрелковых ротах, в танковых частях, в партизанских отрядах и на боевых кораблях! Так что война сформировала и третью, и четвёртую, и пятую...

Говорят, в годы Первой мировой войны Франция в боях потеряла триста молодых поэтов. И они, триста поэтов республики, одетые в солдатские шинели, удержали свои Фермопилы...

А ещё говорят, что, когда Верховному Главнокомандующему доложили, что в боях слишком часто гибнут писатели и поэты, тот, отложив свою погасшую трубку, покачал головой и сказал:

— Они очень горячие люди. Им не терпится стать героями. Отзовите их с передовой. Пусть работают в редакциях газет. Там тоже нужны талантливые писатели и поэты.

Но не всех успели отозвать, многие уже погибли, стали инвалидами, калеками. Других не отозвали, потому что они были выдающимися солдатами, и командиры всеми способами старались удержать их в своих частях и подразделениях — они храбро и умело дрались, и заменить их было нечем.

Но если это правда, то Сталин, как ни суди, спас от гибели многих, кто потом создал целую литературу о войне, и не только о ней. И эта литература в истории мировой уникальна и беспрецедентна. И хотя ни одна из книг военных писателей не отмечена Нобелевской премией, до некоторых пор являвшейся наивысшей и как бы эталонной, по художественным достоинствам многие из упомянутых здесь, в этом своде, стоят вровень с книгами Хемингуэя и Ремарка. А по достоверности изображаемого и правде жизни куда выше многих лауреатов этой пока ещё престижной литературной премии.

Каждый год в канун 9 Мая и 23 февраля Интернет заполняет коллаж: советские актёры, любимцы публики — участники Великой Отечественной войны, их портреты и ордена, которыми они были награждены за свои подвиги и раны. Их немного, по пальцам перечесть. И орденов немного. Но — неоспоримо! — они герои. Однако тут же всплывает закономерный вопрос: а почему забыли писателей? Их гораздо больше — целые взводы, роты. Может, целый батальон! И орденов гораздо больше. Среди них есть даже удостоенные звания Героя Советского Союза. Почему же их нет? Где их портреты, молодых, мужественных, с боевыми орденами на солдатских и офицерских гимнастёрках?

Судьба каждого писателя-солдата — это отдельный и неповторимый сюжет, порою закрученный почище самого лихого приключенческого романа. И в то же время он намертво влит в судьбу и историю русского воинства, отстоявшего в 1941–1945 годах свою землю, своё Отечество и прославившего в очередной раз русское оружие и боевые знамёна. Видимо, в том и суть — раствориться в общем подвиге победившего народа, стать незаметной, но неотделимой частью его.

Эта книга — поклон поколения сыновей и внуков солдат Великой Отечественной войны и одновременно слово признательности поколению наших учителей в русской и советской литературе.

Военная литература, созданная фронтовиками — это просто книги о войне, хотя читатель в них найдёт и точность деталей, и батальные сцены, и правдивое описание окопного быта, но, самое ценное, это ещё и литература о любви к Родине. Своего рода учебники на тему любви к своей земле. Учебники верности долгу, присяге, Отечеству.

Историки порой скептически, свысока посматривают на книги фронтовиков, мол, это же не документы. Непродуктивный снобизм! Как бы там ни было, а книги написаны действующими лицами, в крайнем случае очевидцами. Иногда от первого лица. И та же «лейтенантская проза» куда правдивей, точнее и глубже некоторых «окопных мемуаров», появившихся в последнее время на волне «откровений» и «разоблачений», а также сомнительных исследований, написанных с привлечением этих «откровений». Скепсис историков здесь неуместен уже потому, что настоящий историк обязан учитывать и рассматривать свидетельства очевидцев и участников, так как это тоже *источник*. Как и документ, который, кстати, не всегда отражал правду жизни и правду войны. Некоторые документы создавались под властью обстоятельств в угоду им или отдельным лицам — либо непомерно раздувая их славу и скромные достижения ради получения званий и наград, либо пряча причины неудач, а порой и воинских преступлений.

Лев Николаевич Толстой преподнёс урок на все времена: не воевавший под Вязьмой, при Тарутине и под Бородином, он создал величайшую книгу — роман! — который стал летописью войны 1812 года. Ту, первую Отечественную, вот уже не первое столетие мы изучаем и знаем по «Войне и миру»!

Они всегда и в любых обстоятельствах чувствовали и осознавали себя поколением — поколением войны. Фронтовиками. Братьями и сёстрами. Умели замечать успехи друг друга. Читали друг друга. Писали к книгам друг друга предисловия, откликались добрыми рецензиями в периодике.

Невозможно было в одну рукопись вместить судьбы всех писателей-фронтовиков. Здесь нет артиллериста Юрия Васильевича Бондарева, автора романов «Горячий снег» и «Берег», Василя Владимировича Быкова, создавшего жгучие в своей человеческой правде повести «Сотников», «Третья ракета», «Альпийская баллада», Виктора Петровича Астафьева, Михаила Петровича Лобанова, многих других. Их судьбы и истории — впереди.

Глава первая

Юлия ДРУНИНА

«Я родом не из детства, из войны...»

Родилась 10 мая 1924 года в Москве в семье интеллигентов. Отец — учитель истории, мать — библиотекарка, подрабатывала частными уроками музыки. Жили в тесной коммуналке. Друнина вспоминала, что особенно сильным было влияние отца, который с самых ранних лет прививал дочери любовь к книге, к чтению — «от Гомера до Достоевского». А она украдкой читала романы Дюма и Чарской. Ей казалось, что классика слишком громоздка и официальна и самую глубину и искренность чувств читателю не открывает.

Своим идеалом Юлия избрала кавалерист-девицу Надежду Дурову. С детства дружила с мальчишками. Даже косу себе отрезала — вместе с бантом!

В 1931 году Юлия пошла в школу. Уже тогда писала стихи. Украдкой. Вскоре пришла в литературную студию, которая работала при Центральном Доме художественного воспитания детей, находившегося в здании Театра юного зрителя. Через несколько лет стала победительницей литературного конкурса на лучшее стихотворение. Стихотворение «Мы вместе за школьной партой сидели...» напечатала «Учительская газета». Стихотворение это читали по Всесоюзному радио. Ранний успех! «И никогда я не сомневалась, что буду литератором, — вспоминала Юлия Друнина. — Меня не могли поколебать ни серьёзные доводы, ни ядовитые насмешки отца, пытавшегося уберечь дочь от жестоких разочарований. Он-то знал, что на Парнас пробиваются единицы. Почему я должна быть в их числе?..»

Отец Юлии Владимир Друнин писал стихи и даже скромно издавался. Уж он-то знал, какой это трудный и скудный хлеб и какая горькая участь — быть поэтом. Неверие отца, его попытки отвести от опасной, но захватывающей стези дочку ранило ее, но не лишало крыльев.

Поколение родившихся в начале 20-х — роковое поколение. Оно впитало романтику Гражданской войны как яркое героическое прошлое своих отцов и энтузиазм строительства нового общества как царства справедливости, в котором всегда есть место подвигу и возможность реализовать самым светлым помыслам. Жестокий век развеет их юношеские грёзы, но это будет потом.

«Спасение челюскинцев, тревога за плутающую в тайге Марину Раскову, покорение полюса, Испания — вот чем жили мы в детстве. И огорчались, что родились слишком поздно...»

В 41-м это поколение станет поколением добровольцев.

Школьный выпускной совпал с началом войны. Пошла в военкомат. Её, семнадцатилетнюю, из этого сурового учреждения попросту прогнали. Подростки валом валили тогда в военкоматы, просились на войну, бить фашистов, спасти страну. Вначале к ним относились снисходительно, потом они стали мешать работать, а потом...

Юлия завидовала своим подругам, которые были старше её на год: их зачисляли на курсы санинструкторов, радистов, авиатехников, они могли вскоре попасть в действующую армию.

Эти переживания переплываю в стихи:

Какие удивительные лица
Военкоматы видели тогда!
Текла красавиц юных череда
<...>

Всё шли и шли они —
Из средней школы,
С филфаков,
Из МЭИ и из МАИ,
Цвет юности,
Элита комсомола,
Тургеневские девушки мои!

В конце концов добилась зачисления на курсы медсестёр и она. Какое-то время работала санитаркой в глазном госпитале. А потом была зачислена в отряд, который направлялся на запад от столицы на строительство оборонительных сооружений. Рыли окопы и противотанковые рвы.

Фронт приближался. На недостроенные объекты начали налетать немецкие самолёты, бомбить, обстреливать из пулемётов. Случались и агитационные налёты — снег листовок падал на рвы и окопы, где притаились испуганные девушки:

Московские дамочки,
Не копайте ямочки.
Приедут наши таночки
И зарюют ваши ямочки.

Какие-никакие, а тоже — стихи.

А потом начались бомбёжки. Во время одной из них прошёл слух, что в их район прорвались немецкие танки и через несколько минут они будут здесь. Девушки бросили лопаты и начали разбегаться кто куда. В суматохе Юлия потерялась. Сколькo ни плутала по лесу, своего отряда найти так и не смогла. Вскоре набрела на группу красноармейцев. Это были остатки стрелкового батальона, который прорывался из окружения. Некоторые бойцы были в кровавых бинтах. Они нуждались в перевязке. Юлия начала перебинтовывать их. Молодой комбат, который вёл отряд, понимая её положение, предложил идти вместе с ними. Сказал: «Будете санинструктором». Она конечно же согласилась.

Тринадцать суток пробирались они по лесам, мимо занятых немцами деревень к линии фронта, к своим. «Мы шли, — вспоминала Юлия Друнина, — ползли, бежали, натываясь на немцев, теряя товарищей, опухшие, измученные, ведомые одной страстью — пробиться! Случались и минуты отчаяния, безразличия, отупения, но чаще для этого просто не было времени — все душевные и физические силы были сконцентрированы на какой-нибудь одной конкретной задаче: незаметно проскочить шоссе, по

которому то и дело проносились немецкие машины, или, вжавшись в землю, молиться, чтобы фашист, забредший по нужде в кусты, не обнаружил тебя, или пробежать несколько метров до спасительного оврага, пока товарищи прикрывают твой отход. А надо всем — панический ужас, ужас перед пленом. У меня, девушки, он был острее, чем у мужчин. Наверное, этот ужас здорово помогал мне, потому что был сильнее страха смерти».

Один из биографов поэтессы писал, что «именно там, в этом пехотном батальоне — вернее, в той группе, что осталась от батальона, попавшего в окружение, — Юлия встретила свою первую любовь, самую возвышенную и романтическую. В стихах и в воспоминаниях она называет его Комбат — с большой буквы. Но нигде не упоминает его имени. Хотя память о нём пронесла через всю войну и сохранила навсегда. Он был ненамного старше её... Красивый парень с голубыми глазами и ямочками на щеках. А может, красивым он стал потом, в воспоминаниях поэтессы, в её воображении: «...конечно, помогла моя вера в Комбата, преклонение перед ним, моя детская влюблённость. Наш Комбат, молодой учитель из Минска, действительно оказался человеком незаурядным. Такого самообладания, понимания людей и таланта молниеносно выбрать в самой безнадёжной ситуации оптимальный вариант я больше не встречала ни у кого, хотя повидала немало хороших командиров. С ним солдаты чувствовали себя как за каменной стеной, хотя какие «стены» могли быть в нашем положении?»

После долгого пути и стычек с немцами в отряде осталось девять человек. Включая Комбата и санинструктора. Вышли к фронту. Вначале надо было пройти немецкие окопы. Выслали разведку. Разведка вернулась: окопы заняты немецкой пехотой, но есть разрыв, где немцев нет, — минное поле. Первым пошёл Комбат. Мины оказались противотанковыми, на вес человека взрыватели не срабатывали. За Комбатом пошли остальные. Когда поле, казалось, уже было пройдено, началось полоса противопехотных мин. Комбат и двое бойцов, которые шли за ним, погибли. Юлия шла четвёртой и уцелела.

«Мина, убившая Комбата, — вспоминала она, — надолго оглушила меня. А потом, через годы, в стихах моих часто будут появляться Комбаты...»

«Мина, убившая Комбата, надолго оглушила меня...» Надолго... На всю жизнь... Только не оглушила, наоборот, сделала чуткой — к страданиям своего поколения. К пережитому им, этим суровым поколением.

КОМБАТ

Когда, забыв присягу, повернули
В бою два автоматчика назад,
Догнали их две маленькие пули —
Всегда стрелял без промаха комбат.

Упали парни, ткнувшись в землю грудью,
А он, шатаясь, побежал вперёд.
За этих двух его лишь тот осудит,
Кто никогда не шёл на пулемёт.

Потом в землянке полкового штаба,
Бумаги молча взяв у старшины,
Писал комбат двум бедным русским бабам,
Что... смертью храбрых пали их сыны.

И сотни раз письмо читала людям
В глухой деревне плачущая мать.
За эту ложь комбата кто осудит?
Никто его не смеет осуждать!

И вот она в Москве.

Осень. Октябрь. Москва переживает тяжелейшие дни. Немецкие танки в тридцати километрах от города. В столице паника. Погромы. Народ грабит магазины и склады. Дезертиры. Патрули. Комендантский час.

Родители Юлии уехали в эвакуацию, в Сибирь, в далёкий посёлок, название которого и запомнить невозможно. Юлия снова начала осаждать военкомат, убеждать военкома зачислить её в штат какой-нибудь части, направляющейся на фронт. Ну и что, что нет восемнадцати! Она должна быть на фронте! Ведь она там уже была!

Пришло письмо от мамы: отец смертельно болен, лежит, ждёт дочь... Поехала. Отец лежал парализованный и медленно угасал. Он умер в начале 1942 года. После похорон отца Юлия поняла, что больше ничто в эвакуации её не держит. С матерью отношения всегда были сложными. Она уехала в Хабаровск и там поступила на курсы в школу младших авиаспециалистов. Школа готовила авиатехников. Заправка самолёта горючим, подготовка пулемётов...

Однажды старшина-инвалид объявил, что всю их команду переводят в женский запасной полк: «Будете там, как положено бабам, мужиков обшивать да обстирывать. Зато живыми останетесь и не увечными. Так что поздравляю!» После паузы добавил: «Окромя тех, у кого медицинское образование. Без них пока обойтись не можем. Больно много медицины там выбывает».

Юлия обрадовалась, предъявила старшине своё свидетельство об окончании курсов медсестёр. «Он пожал плечами, — вспоминала Друнина, — и пробормотал: «Жизнь молодая надоела?» Но, видимо, медики и впрямь до зарезу были нужны действующей армии: уже на другой день я получила направление в санупр Второго Белорусского фронта. Я бежала на Белорусский вокзал, а в голове неотступно крутилось: «Нет, это не заслуга, а удача — стать девушке солдатом на войне, нет, это не заслуга, а удача...»

После войны пройдут годы, и она напишет:

Нет, это не заслуга, а удача —
Стать девушке солдатом на войне,
Когда б сложилась жизнь моя иначе,
Как в День Победы стыдно было б мне!..

Женщине на войне стократ тяжелее. Война — дело мужское. Бомбёжки, затяжные марши, грязь, кровь, холод, простуды, чирьи, нечистоты, негде обогреться, помыться... «И сколько раз случалось, —

вспоминала она, — нужно вынести тяжело раненого из-под огня, а силёнок не хватает. Хочу разжать пальцы бойца, чтобы высвободить винтовку, — всё-таки тащить его будет легче. Но боец вцепился в свою трёхлинейку образца 1891 года мёртвой хваткой. Почти без сознания, а руки помнят первую солдатскую заповедь — никогда, ни при каких обстоятельствах не бросать оружия! Девчонки могли бы рассказать ещё и о своих дополнительных трудностях. О том, например, как, раненные в грудь или в живот, стеснялись мужчин и порой пытались скрыть свои раны... Или о том, как боялись попасть в санбат в грязном белье. И смех, и грех!..»

Она тоже попала в госпиталь. Осколок мины на излёте застрял в шее в нескольких миллиметрах от сонной артерии. Попыталась вытащить его сама, ничего не вышло. Тогда перебинтовала рану и в горячке боя, местами переходящего в рукопашные схватки, продолжила вытаскивать раненых. Но вскоре потеряла сознание...

Это было в 43-м. Наши войска наступали. В госпитале, ещё не сняв бинты и, наверное, чтобы освободиться от видений, преследующих её даже во сне, написала короткое стихотворение, ставшее шедевром фронтовой поэзии:

Я только раз видала рукопашный,
Раз наяву. И тысячу — во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

Из госпиталя Юлия была комиссована подчиную. Инвалид...

Вернулась в Москву. Пошла в собес, чтобы получить продовольственные карточки и пенсионные. Получила. И на все деньги накупила мороженого. Хватило на три порции — по тридцать рублей каждая. Не удержалась и купила красивое платье и кое-что из белья. Не всё же в солдатском ходить...

Насладившись мороженым, пошла в Литинститут. Показала свои стихи. Но их признали слабыми, так что творческий конкурс она не прошла.

В поступлении в Литинститут вчерашней фронтовичке было отказано. Так или иначе, дверь в литературу для неё оказалась наглухо запертой.

Рана на шее уже не беспокоила. Гораздо более оказалась другая, свежая. Решила: если не Литинститут, то в Москве ей делать нечего. И снова пошла в военкомат. Санинструкторов на фронте по-прежнему не хватало. Военкоматских уговорить и убедить в своей нужности оказалось легче, чем литинститутских. Военные — родной народ. Она уже знала, как и чем их взять...

Прибалтика. Сорок четвёртый год. Наши войска наступали по эстонской земле. «Полковная разведка, — вспоминала она, — притащила «языка». Перед тем, как передать его в штаб, ребята попросили меня «чутко отремонтировать фрица». «Фриц» — молодой обер-лейтенант — лежал на спине с закрученными назад руками. Светловолосый, с правильными резкими чертами мужественного лица, он был красив той

плакатной «арийской» красотой, которой, между прочим, так не хватало самому фюреру. Пленного даже не слишком портили здоровенная ссадина на скуле и медленная змейка крови, выползавшая из уголка рта. На секунду его голубые глаза встретились с моими, потом немец отвёл их и продолжал спокойно смотреть в осеннее небо с белыми облачками разрывов — били русские зенитки... Что-то вроде сочувствия шевельнулось во мне. Я смочила перекисью ватный тампон и наклонилась над раненым. И тут же у меня помутилось в глазах от боли. Рассвирепевшие ребята подняли меня с земли. Я не сразу поняла, что случилось. Фашист, которому я хотела помочь, изо всей силы ударил меня подкованным сапогом в живот...»

Осенью 1944 года во время боя попала под огневой налёт немецкой артиллерии. Контужена. Контужия, как известно, порой куда хуже и коварней ранения. Снова госпиталь. Медицинская комиссия. Из истории болезни: частые обмороки, частое кровотечение из полости носа, сильные головные боли, кашель с кровавой мокротой... «Не годен к несению военной службы с переосвидетельствованием через шесть месяцев».

В Москву приехала в декабре. После госпиталя, когда уже очевидным стало, что — домой, постоянно думала о том, как придёт в Литинститут, сочиняла, что сказать. Хотелось учиться, но только в Литинституте и больше нигде.

Пришла в гимнастёрке, в сапогах. Тщательно, до блеска, их начистила. На груди сияли фронтовые награды — орден Красной Звезды и медаль «За отвагу». Была середина учебного года. Заглянула в аудиторию: там сидели первокурсники, слушали лекцию, что-то записывали в тетрадах. Вошла и села среди них. Просто вошла и села на свободное место. «Моё неожиданное появление вызвало смятение в учебной части, но не выгонять же инвалида войны!»

Из грязного окопа она попала в свою мечту.

Сессию сдала успешно. Получила стипендию — сорок рублей. Правда, это было ничто, ведь килограмм картошки на рынке стоил — сто! Но на картошку хватало военной пенсии и выплат за боевые награды. Одежда... В тот год почти весь Литинститут ходил в гимнастёрках, шинелях и сапогах. У неё же, для особых дней, не гимнастёрочных, было чёрное платье, которое она купила в день первого приезда с фронта, вместе с мороженым, несколько пар чулок, кофточка...

В аудиториях было холодно, замерзали чернила. Вспоминала: «Несмотря на невыносимо тяжёлый быт, время это осталось в памяти ярким и прекрасным. Хорошо быть ветераном в двадцать лет! Мы ловили друг друга в коридорах, заталкивали в угол и зачитывались переполнявшими нас стихами. И никогда не обижались на критику, которая была прямой и резкой. Мы ещё и понятия не имели о дипломатии».

Первая публикация появилась в журнале «Знамя». Не одно стихотворение, а целая подборка. С этого времени она стала Юлией Друниной.

В личной жизни тоже произошли перемены. Она вышла замуж за однокурсника и тоже поэта Николая

Старшинова. У них много было общего. Фронтовики. Инвалиды. Общей была и бедность.

Николай Старшинов: «Она была измучена войной — полуголодным существованием, была бледна, худя и очень красива. Я тоже был достаточно заморённым. Но настроение у нас было высоким — предпобедным...»

В 1946 году у поэтов родилась дочь Лена. В 1947 году состоялось Первое Всесоюзное совещание молодых писателей. В 1948 году вышла первая книга стихов в «Солдатской шинели». И сразу — успех. Публикации. Немного поправилось материальное положение. В последующие годы сборники выходили регулярно.

Тема войны — солдатская, мужская тема. Юлия Друнина привнесла в эту суровую тему женское, трепетное, но не беззащитное.

Шли годы, а военная тема не уходила. Вернувшись с войны только казалась, что они вернулись...

Николай Старшинов: «Юля была очень красивой и очень обаятельной. В чертах её лица было что-то общее с очень популярной тогда актрисой Любовью Орловой. Привлекательная внешность нередко помогала молодым поэтессам «пробиться», попасть на страницы журналов и газет, обратить особое внимание на их творчество, доброжелательнее отнестись к их поэтической судьбе. Друниной она — напротив — часто мешала в силу её неуступчивого характера, её бескомпромиссности...»

Случился скандал. Семинар в Литинституте в её группе вёл известный поэт Павел Григорьевич Антокольский. Мэтр вначале хвалил свою ученицу, «а потом вдруг объявил бездарной и предложил исключить из института как творчески несамостоятельную».

Друнина, хорошо понимая подоплёку внезапной холодности профессора, перевелась в другую группу. Но несправедливый приговор, замешанный на злобе отвергнутого мужчины, запомнила. И на писательском собрании, когда по всей стране громили «безродных космополитов», она «очень резко выступила против Антокольского».

Так что же всё-таки стало причиной такой взаимной неприязни Друниной и Антокольского?

Павел Григорьевич, как это частенько случается с преклонных лет наставниками, воспылил к юной студентке. Та не отвечала. Как пишет биограф Юлии Друниной, «в конце 1945 года в издательстве «Молодая гвардия» под редакцией Антокольского вышла первая книга стихов Вероники Тушновой, с которой Друнина и Старшинов дружили. На ужин в честь выхода книги она пригласила и Антокольского — само собой! — и многих своих друзей, в том числе и ещё не женатых, но уже влюблённых друг в друга Друнину и Старшинова».

Николай Старшинов: «Где-то между тостами Юля вышла в коридор. Вышел и Антокольский. Вскоре я услышал шум и возню в коридоре и, когда вышел туда, увидел, как Павел Григорьевич тащит упирающуюся Юлю в ванную. Я попытался помешать ему. Он рассвирепел — какой-то мальчишка смеет ему перечить! — обматюгал меня. Впрочем, я ему ответил тем же, но настоял на своём».

Друнина-то перевелась в другую группу, а Старшинов остался. Теперь ему доставалось от Антокольского за двоих. Вот на писательском собрании и прилетела старому фавну ответка от оскорблённой женщины.

Её не печатали в журналах «Красноармеец» и «Октябрь», где членом редколлегии, заместителем главного редактора был поэт Степан Щипачёв. Какой-то разлад произошёл и с Константином Симоновым. Константин Михайлович препятствовал её вступлению в Союз писателей. Но на собрании вмешался Александр Твардовский, и из кандидатов Юлию Друнину перевели в члены Союза писателей СССР.

Постепенно, как это часто случалось и случается с поэтами, семейная жизнь зашла в тупик и стала разваливаться. Дочь выросла, поступила в Московскую ветеринарную академию.

Вторым браком Юлия Друнина вышла за известного сценариста Алексея Каплера. Каплер был старше её на двадцать лет. Этот брак был счастливым.

Что любят единожды — бредни,
Внимательней в судьбы всмотрись.
От первой любви до последней
У каждого целая жизнь.

И появились стихи о любви. Среди московской литературной богемы поселилось устойчивое мнение, что Каплер «снял с Юли сапоги и обул в хрустальные туфельки». Было именно так. И в прямом, и в переносном смысле.

Каплер был преуспевающим сценаристом. Фильмы «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», «Человек-амфибия», «Полосатый рейс». Кроме того, на телевидении вёл «Кинопанораму». Как многие киношники, умеющие вести свои дела, он был богат.

Николай Старшинов: «Я знаю, что Алексей Яковлевич Каплер относился к Юле очень трогательно — заменял ей и мамку, и няньку, и отца. Все заботы по быту брал на себя. Он уладил её отношения с П. Антокольским и К. Симоновым. Он помогал ей выйти к широкому читателю. При выходе её книг он даже обьезжал книжные магазины, договаривался о том, чтобы они делали побольше заказы на них, обьязуясь, в случае, если они будут залёживаться, немедленно выкупить. Так, во всяком случае, мне сказали в магазине «Поэзия»...¹ Она стала много и упорно работать всё время. Расширился круг её жанров: она обратилась к публицистике и прозе. А если посмотреть её двухтомник, вышедший в издательстве «Художественная литература» в 1989 году, то окажется, что с 1943 по 1969 год, то есть за семнадцать лет, она написала вдвое меньше стихов, чем за такой же следуюший отрезок времени. А если к этому прибавить написанную в эти же годы прозу, то получится, что её «производительность» возросла вчетверо, а то и впятеро».

С Алексеем Каплером Юлия Друнина прожила девятнадцать лет. Каплер её боготворил. Она отвечала ему взаимностью. Говорят, когда она уезжала в ко-

мандировку за рубеж, он ехал в Брест, на пограничный пост её встречать.

Каплер умер в 1979 году. Похоронили его в Старом Крыму. Так он завещал.

Друнина сразу осиротела.

Дочь вышла замуж и жила своими заботами, своей семьёй.

Николай Старшинов: «После смерти Каплера, лишившись его опеки, она, по-моему, оказалась в растерянности. У неё было небольшое хозяйство: большая квартира, дача, машина, гараж — за всем этим надо было следить, поддерживать порядок. А этого делать она не умела, не привыкла. Ну и переломить себя в таком возрасте было уже очень трудно, вернее — невозможно. Вообще она не вписывалась в наступившее прагматическое время, она стала старомодной со своим романтическим характером».

Друнина в последние года почти ни с кем не общалась. Лишь Виолетта, вдова поэта Сергея Орлова, скрашивала её одинокое существование. Последняя подруга.

Наступила Перестройка. Безумный энтузиазм словоохотливого и косноязычного Горбачёва без конца транслировали по радио и телевидению. Власть разрушала то, за что она воевала на фронте, за что умирали её братья. Она уже завидовала Каплеру: муж вовремя умер...

Как я завидую тому,
Кто сгинул на войне!
Кто верил, верил до конца
В «любимого отца»!
Был счастлив тот солдат...
Живых разбитые сердца
Недолго простучат...

В 1990 году она была избрана в Верховный Совет. Но вскоре добровольно сложила депутатские полномочия. Почему? «Мне нечего там делать, там одна говорильня. Я была наивна и думала, что смогу как-то помочь нашей армии, которая сейчас в таком тяжёлом положении... Пробовала и поняла: всё напрасно! Стена. Не прошибёшь!»

Стала чаще бывать на даче. С тоской вспоминала, как весело было жить здесь с Каплером. Как вольно писалось. Теперь от той лёгкости не осталось и следа. Сидела у окна, закутавшись в тёплый платок, и смотрела на осенний сад, где тоже всё умирало. Должно быть, в один из таких приездов в одиночестве написалось, из самой глубины, уже из сумерек: «Тяжко! Порой мне даже приходят в голову строки Бориса Слуцкого: «А если кто больше терпеть не в силах, партком разрешает самоубийство слабым...»

В газете «Правда», уже утратившей большую часть своего тиража и влияния, 15 сентября 1991 года она опубликовала статью, где было и это.

Живых в душе не осталось
Мест —
Была, как и все, слепа я.
А всё-таки надо на прошлом —

¹ Сейчас невозможно представить такой книжный магазин в Москве...

Крест,
Иначе мы все пропали.
Иначе всех изведёт тоска,
Как дуло чёрное у виска...

Прежде чем поставить на прошлом крест, она привела в порядок все свои дела: закончила работу над поэтическим сборником «Судный час», посвящённом Алексею Каплеру, на даче села за стол и написала письма — зятю Андрею, дочери, внучке, подруге Виолетте, редактору, в Союз писателей, в милицию. Входной дверью придавила записку зятю, потому что знала: первым её найдёт он: «Андрюша, не пугайся. Вызови милицию и вскройте гараж».

Из предсмертного письма: «Почему ухожу? Помоему, оставаться в этом ужасном, передравшемся, созданном для дельцов с железными локтями мире такому несовершенному существу, как я, можно, только имея крепкий личный тыл... А я к тому же потеряла два своих главных посоха — ненормальную любовь к старокрымским лесам и потребность творить... Оно лучше — уйти физически неразрушенной, душевно несостарившейся, по своей воле. Правда, мучает мысль о грехе самоубийства, хотя я, увы, неверующая. Но если Бог есть, он поймёт меня...»

Её похоронили в Старом Крыму рядом с Алексеем Каплером. Так она просила.

Астрономы назвали одну из вновь открытых планет нашей галактики именем Юлии Друниной. Но и, не будь планеты, она всё равно будет светить всегда своим романтическим, немного грустным и суровым и одновременно нежным светом.

«НА НОСИЛКАХ, ОКОЛО САРАЯ...»

На носилках, около сарая,
На краю отбитого села,
Санитарка шепчет, умирая:
— Я ещё, ребята, не жила...

И бойцы вокруг неё толпятся
И не могут ей в глаза смотреть:
Восемнадцать — это восемнадцать,
Но ко всем неумолима смерть...

Через много лет в глазах любимой,
Что в его глаза устремлены,
Отблеск зарев, колыханье дыма
Вдруг увидит ветеран войны.

Вздрогнет он и отойдёт к окошку,
Закурить пытаюсь на ходу.
Подожди его, жена, немножко —
В сорок первом он сейчас году.

Там, где возле чёрного сарая,
На краю разбитого села,
Девочка лепечет, умирая:
— Я ещё, ребята, не жила...

1947 г.

Награды

Трудовые.

Государственная премия РСФСР им. М. Горького (1975) — за книгу стихов «Не бывает любви несчастливой».

Орден Трудового Красного Знамени.

Орден «Знак Почёта».

Серебряная медаль им. А.А. Фадеева.

Боевые.

Орден Отечественной войны 1-й степени.

Орден Красной Звезды.

Медаль «За отвагу».

Медаль «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Глава вторая

Виктор КУРОЧКИН

«В нём текла мужицкая кровь...»

При жизни читателей у него было немного. Его любила небольшая прослойка почитателей военной темы. Правда, и в ряду творцов «лейтенантской прозы» его имя тоже называли в конце, если вообще вспоминали. Прошли годы, и его книги переместились в первый ряд...

Виктор Курочкин родился в деревне Кушниково Старицкого района Тверской области 23 ноября 1923 года. Отец Александр Тимофеевич и мать Татьяна Алексеевна (родом из ржевской деревни Аполево) были потомственными крестьянами. Как отмечал литературовед и биограф писателя С. М. Панфёров, Курочкин был «крестьянин по корням и мировоззрению», хотя и дед его Тимофей Афанасьевич, и отец Александр Тимофеевич подолгу работали в Питере. Тимофей Афанасьевич работал на судоремонтном заводе «глухарём» — мастером-котельщиком. Зарабатывал хорошо и даже мечтал со временем, накопив достаточно денег, выкупить разоряющееся поместье и усадебный дом в соседних Малинниках. Усадьба эта некогда принадлежала Анне Петровне Керн (Полторацкой). Отец Александр Тимофеевич тоже пытался оторваться от земли и стать городским обывателем. Он умрёт в блокадном Ленинграде.

Вообще предки писателя по отцовской линии имели фамилию — Лобановы. Но Тимофей Афанасьевич получил прозвище — Курочкин. С тех пор и пошло — Курочкины.

Детство Виктора Курочкина, школьная пора и отрочество прошли в родной деревне. Впоследствии, став уже известным писателем и сценаристом, он будет приезжать на родину, жить здесь и работать над очередной рукописью.

С. М. Панфёров: «В нём текла мужицкая кровь, и воздух родины он считал самым здоровым воздухом на свете».

В 30-е годы, по всей вероятности, убегая от коллективизации, семья Курочкиных уехала из Кушникова в город Павловск, что под Ленинградом. Летом

1941 года Виктор окончил девятый класс. 22 июня выпускной. Война.

Семья Курочкиных разделилась. Мать Татьяна Алексеевна с дочерью Юлей уехали из Ленинграда на восток, в Ярославль, подальше от войны. Отец Александр Тимофеевич и Виктор остались — работали на одном из оборонных заводов. Виктор первое время копал окопы в окрестностях Павловска, но потом, когда немцы подошли вплотную, ему пришлось перебраться в Ленинград и пойти на завод. На заводе его поставили на несложную операцию — шлифовал зенитные снаряды.

Немцы и финны быстро продвигались к городу и вскоре охватили его железным кольцом.

Первая же зима унесла Александра Тимофеевича. Виктор ещё кое-как держался. В апреле 1942 года, понимая, что до лета он не дотянет, пробрался в один из грузовиков колонны, которая двигалась через Ладогу. Щуплого дистрофика, к счастью, обнаружили только на другом берегу.

Летом Виктор уже учился в Ульяновском танковом училище. Вскоре его перевели в группу самоходчиков. Но прежде чем стать курсантом, прошёл курс лечения от дистрофии.

Весной 1943 года решением Ставки начали формировать части самоходной артиллерии, и это были полки. Их, как правило, включали в танковые и механизированные корпуса во время проведения крупных наступательных операций.

В бой Курочкин пошёл лейтенантом, командиром СУ-76.

Самоходная артиллерийская установка, оснащённая 76,2-мм пушкой, была создана на базе лёгких танков Т-60 и Т-70. Самоходка этого типа предназначалась для непосредственного сопровождения пехоты на поле боя. Имела противопульное покрытие. Пушка позволяла уничтожать лёгкие и средние танки противника, а также могла разрушать ДОТы и другие укрепления и сооружения оборонительного типа. Это был самый лёгкий и самый массовый тип самоходной артиллерии в годы войны. С её появлением пехоте и в обороне, и особенно в наступлении стало полнее выполнять поставленные задачи. Раньше в наступлении, если шли вперёд без поддержки танков, нужно было на руках перекатывать лёгкие — 37-мм и 45-мм — орудия, при необходимости разворачивать их, устанавливая и только после этого вести прицельный огонь. А теперь самоходки, и гораздо большего калибра, двигались непосредственно в рядах атакующей пехоты, мгновенно обнаруживали не подавленные во время артподготовки ожившие огневые точки, а также отражали контратаки бронетехники противника.

Первый бой лейтенант Курочкин провёл летом 1943 года на Курской дуге. Вначале командовал экипажем СУ-76. Потом 6-й гвардейский танковый корпус 3-й гвардейской танковой армии генерала П.С. Рыбалко получил новую технику, и лейтенант Курочкин пересел на более мощную СУ-85.

СУ-85 относилась к классу истребителей танков. Наши экипажи дрались на ней с сентября 1943 года и

до конца войны. Средние немецкие танки Т-IV и прочие самоходка из своей длинной, как у зенитки, 85-мм пушки уверенно валила на дистанции более 1000 метров. Тяжёлые Т-V («пантеры») и Т-VI («тигры») останавливала на более короткой дистанции — до 1000 метров. Лейтенант Саня Малешкин со своим экипажем механиком-водителем Гришкой Щербаком, наводчиком сержантом Домешком и заряжающим ефрейтором Бянкиным свои два «тигра» ломанули и вовсе почти в упор. (*Повесть «На войне как на войне».*)

Танковая армия генерала П. С. Рыбалко была одним из лучших бронетанковых соединений в Красной Армии. Мощная, маневренная. В составе Воронежского фронта она участвовала в Киевской наступательной операции, затем, уже в составе 1-го Украинского — в Житомирско-Бердичевской, Проскурово-Черновицкой, Львовско-Сандомирской, Сандомирско-Силезской, Нижнесилезской, Берлинской и Пражской наступательных операциях. Лейтенант Курочкин дошёл в её составе до Сандомирско-Силезской операции (12 января — 3 февраля 1945 года). Во время этой наступательной операции войска 1-го Украинского фронта маршала И. С. Конева разгромили Кельце-Радомскую группировку противника, освободили Южную Польшу, вышли к Одеру и с ходу захватили плацдармы на его левом берегу. Были созданы условия для успеха в предстоящем наступлении на Берлинском и Дрезденском направлениях.

Во всех этих операциях храбро дрался 1893-й гвардейский самоходно-артиллерийский Фастовский Краснознамённый орден Суворова и Красной Звезды полк, в котором воевал экипаж лейтенанта Курочкина.

В январе 1944 года по время форсирования Одера и захвата плацдарма Курочкин получил тяжёлое осколочное ранение и был отправлен в армейский тыловой госпиталь. На этом его фронтовые дороги на некоторое время прервутся.

Осенью того же 45-го, после лечения, лейтенант Курочкин окончит военное училище, а потом уволится из армии. Но и на фронт, и в армию он ещё вернётся — в своей прозе, в повестях «Железный дождь» и «На войне как на войне».

А пока приехал в Павловск, поступил в вечернюю школу, в 10 класс. Хвала и слава советским вечерним школам! Многим, волею различных обстоятельств не успевшим ухватиться за жизнь, она дала возможность получить аттестаты о среднем образовании, которые открывали путь к дальнейшему образованию и карьере.

После получения аттестата поступил в Ленинградскую юридическую школу. По ее окончании несколько лет работал судьёй в одном из районов Новгородской области. Для таких людей, каким был Курочкин, конфликт с системой — закономерный итог. Там же, в райцентре Уторгош, сердце обожгла неразделённая любовь. Там же всерьёз занялся литературой, на первых порах вроде бы находя в ней не более чем утешение, тайную свободу.

По возвращении в Павловск некоторое время работал корреспондентом местной газеты, потом пере-